

От редакции. Текст «Категория “чистота” в науке этики» из рукописного наследия Якова Абрамовича Мильнера-Иринина публикуется впервые.

Я.А. Мильнер-Иринин

Категория «чистота» в науке этики

Мильнер-Иринин Яков Абрамович (01.05.1911–18.07.1989) – кандидат философских наук, профессор, специалист в области этики, онтологии, истории философии

Статья посвящена всестороннему анализу понятия чистоты, которое автор считает одним из центральных в этике, наряду с понятиями добра, зла, долга, идеала и пр. Оно значимо как для самой человеческой жизни, так и для этического знания. Автор отделяет понятия чистоты от понятий нравственного принципа и правила, показывая, что «чистота» первична, исходна и определяет нравственное качество как принципа, так и правила. Категория чистоты рассматривается в трех основных проекциях: а) человеческого поступка; б) этики как науки; в) нравственных принципов и правил. В первом случае под «чистотой» понимается чистота намерений, побуждений и помыслов, сообщаемая совестью. Во втором – свобода этики от внешних вторжений: ненаучных и антинаучных, а также политических, социологический и т. п., обеспечивающая точное соответствие этике своему определению как науке о должном. В третьем случае под «чистотой» понимается адекватность познания нравственных принципов и правил, а также способов их реализации.

Ключевые слова: «чистота», этика, мораль, принципы, правила, совесть, поступок, свобода, природа человека

1. Особое положение понятия «чистота» в этике

Понятие нравственной и, шире, этической чистоты окружено для нас таким же ореолом, пользуется в наших глазах таким же обаянием и вызывает в нас такие же горячие симпатии, как и другие понятия этики – совесть, добро, идеал и так далее. Ведь каждому ясно, что слова разделяют с делами общую судьбу в качестве объектов оценочной деятельности нашего сознания: есть высокие слова, как и высокие дела, и есть низкие слова, как и низкие дела. При этом оценка и тех и других ведется под единственным углом зрения, но зато и непререкаемым, какова этическая точка зрения. Суд совести – верховный суд, наивысший из возможных судов, самый нелицеприятный из всех, и он уже давно отнес понятие чистоты, этической чистоты, к высшим, идеальным ценностям, сообщающим жизни человека ее особенный смысл, ценностям, ради которых только и стоит жить человеку, где бы он ни находился – на нашей ли Земле или на других планетах. В том, что слово разделяет общую судьбу с

делом, нет ничего удивительного, ничего такого, что поражало бы наше воображение, ведь и само слово, если это не пустопорожнее слово, разумеется, а слово, напоенное кровью сердца и одухотворенное совестью, пронизанное ее идеальным светом – добром, есть дело, величие коего невозможно переоценить. Будучи именно таким словом, слово «чистота» и охватываемое им богатство содержания должно быть оценено в полном объеме его значения для этической науки.

Чистота сама по себе не есть этический принцип, ибо внутренней цели в себе не имеет. Не есть она и нравственное правило, ибо есть явление не столько душевное, сколько духовное. Уже здесь, с самого начала, уместно напомнить, что этический принцип относится к духовной сфере жизни человека, в нем содержится цель нравственности. Нравственное правило – к душевной сфере жизни человека. Оно – средство для реализации цели нравственности. Но в отличие от внешних средств таковой реализации – материальных и духовных, оно – нравственное правило – внутреннее средство для реализации цели нравственности. Этический принцип, именно как принцип, не знает исключений, и его нарушение в каждом отдельном случае означает разрушение всей нравственной жизни человека. Нравственное правило, именно как правило, знает исключения, и его нарушение не только возможно, но и обязательно в том случае, когда его исполнение идет вразрез с этическим принципом, им обслуживаемым. В дальнейшем изложении этот вопрос применительно к категории «чистота» выяснится для нас вполне. Ибо, не являясь ни этическим принципом, ни нравственным правилом, чистота необходимо присутствует в каждом этическом принципе и в каждом нравственном правиле как его элемент, неотъемлемая черта, неизменно сопутствует ему как его исконное качество, без которого представляется немыслимым и, мало того, бессмысленным, без которого и тот и другое, и этический принцип и нравственное правило, неизбежно теряют свое собственное значение. Однако присутствуя в каждом этическом принципе и в каждом нравственном правиле, она присутствует в них по-разному: в первом – в его уразумении (осмыслении), во втором – по существу. Понятие чистоты к совести неприложимо, хотя она, совесть, ее первоисточник. Но не будучи приложимо к совести, оно же не приложимо и к ее категорическим повелениям – этическим принципам, принципам истинной человечности, составляющим с ней и в ней целое и образующим в своей целокупности нравственный закон. Поэтому когда мы говорим о чистоте этического принципа (или его составляющих), то имеем в виду чистоту его постижения, когда же говорим о чистоте нравственного правила, то имеем в виду чистоту, сообщаемую ему принципом, духовным принципом, душевным средством реализации которого оно является. Понятно вместе с тем, что и чистота уразумения нравственного правила – немаловажный фактор нравственной жизни.

Закljučая этот раздел, скажем так: чистота применительно к поступку человека означает чистоту нравственную – чистоту души, сообщаемую ей совестью. Применительно к науке этики чистота означает ее (науки этики) точное соответствие своему определению как науки о должном, ее совершенную свободу от каких бы то ни было чуждых ей как науке вторжений, не только от ненаучных и антинаучных, но и политических, социологических и тому подобных понятий, извлеченных из сферы наук о сущем. Применительно к

этическим принципам и нравственным правилам чистота означает их строго адекватное постижение – постижение нравственного закона и внутренних средств к его реализации.

Чистота, стало быть, оборотная сторона нравственного, что и делает ее важным фактором духовной жизни человечества и важной категорией науки этики.

2. Понятие о нравственной чистоте

Нравственная чистота означает прежде всего чистоту души: чистоту намерений, помыслов и побуждений – истинное начало нравственного самосознания. Нельзя ожидать нравственного действия при душевной опустошенности, а тем более загрязненности. Ведь нравственное действие – это преднамеренное и сознательное действие по существу, и ему по необходимости должен предшествовать нравственный образ мыслей. Гармония нравственного образа мыслей и нравственного образа действий – идеальная симфония человеческого существа. Совершенно понятно, при этом, что не только нравственный образ мыслей является идеально должным образом мыслей, но и нравственный образ действий повинуетя тому же нравственному закону идеально должного, ибо предмет нравственности как таковой должное (не сущее). Не следует забывать, что этика всегда и ко всему подходит под углом зрения должного, единственным собственным углом зрения. Нравственный образ действий лишь приближенно реализуется на практике, ибо наталкивается на сопротивление обстоятельств, неизбежно ограничивающих, и даже искривляющих и искажающих его в той или иной мере. Не приходится доказывать, что на нравственном образе действий, как он реализуется на практике, сказывается и неизбежная ограниченность самого нравственного образа мыслей, ведь последний в решающей мере зависит от уровня нравственного – интеллектуального, эстетического и морального – самообразования субъекта (субъекта действия). Этот уровень, в каждый данный момент наличествующий, представляется вследствие этого и сам по себе бытием, подлежащим преодолению в направлении должного (идеально, нескончаемо должного) в процессе поступательного развития сознания.

Залогом душевной чистоты является совесть человека и человечества. Совесть – то внутреннее чувство, которое повелевает поступать в соответствии с идеалом добра. Она же – имманентное содержание разума человека, форма существования добра, верховного (этического) идеала человечества – идеального синтеза идеальной истины, идеальной правды, идеальной красоты. Она же нравственный закон – принципы истинной человечности в их целокупности. Она же первоисточник всяческого нравственного беспокойства как осознания противоречия между сущим и должным, стихийным бытием и разумным долженствованием, и воплощение насущной потребности изменить сущее в соответствии с должным. Нет нужды доказывать, что все это – различные определения в стремлении возможно исчерпывающе уяснить для себя природу совести: каждое из них раскрывает перед нами какую-либо одну из существенных ее сторон. Наиболее же точное определение, раскрывающее нам природу совести и всех решительно ее сторон, заключающее в себе объяснение всех этих сторон в их происхождении, будет следующее определение: совесть – это

субъективное (идеальное) выражение объективной общественной природы человека. Общественная, трудовая, творчески-преобразовательная, нравственно-революционная природа человека отражается в его сознании как совесть. Но и все перечисленные ранее определения, хотя и различны, ибо трактуют о разных сторонах совести, но будучи отнесены к одному и тому же предмету – к совести, они, определения эти – одно, одновременно и синонимичны, – ведь различные стороны совести связаны с ней воедино и нерасторжимо. Синонимично с названными определениями и определение совести как залог душевной чистоты, при всем том, что и оно, определение это, также выражает лишь одну из сторон совести (человеческой, иной нет!).

Хотя совесть сама по себе ни чиста, ни не чиста, ибо понятие «чистота» к ней, как уже говорилось, неприменимо, она тем не менее является первоисточником всяческой нравственной чистоты – в первую голову чистоты намерений, помыслов и побуждений, ибо она верховный арбитр во всем человека касающемся. Та душа, которая действует по совести, чиста, та же, которая поступает вопреки совести, не чиста. Мы намеренно употребляем в первом случае чистоты души слово «действует», во втором же случае загрязненности души слово «поступает», ибо понятие действия связано с нормальным, нравственным, как правило, состоянием нашей души (отсюда «нравственные правила»), тогда как безнравственное состояние как аномальное есть не действенное, но страдательное состояние: наша душа действует, когда являет свою нравственную чистоту, страдает, когда позволяет обстоятельствам, безразлично внешним или внутренним, загрязнить себя. Поступая нравственно, она действует, действует в соответствии с собственной истинно человеческой природой, повинуетя свободной (разумной) необходимости собственного существа. Поступая безнравственно, она страдает, испытывая на себе давление извне, со стороны животных и социальных инстинктов, рабски повинуетя принудительной (случайной) необходимости внешних (относительно истинно человеческой природы своей) стихийных и слепых сил бытия.

Не следует забывать, что при всем том, что человек являет радикально новое качество относительно всего животного мира, взятого в его целом (не только относительно своих ближайших животных предков), животное начало в нем продолжает функционировать и оказывать давление на его чисто человеческое существо, и невозможно, не порывая с научной истиной, вообразить себе момент, когда он вполне от этого животного начала своего происхождения освободится. С нежелательными животными инстинктами, неизменно тянущими его назад от истинно человеческой чистоты, человеку всегда придется бороться, но зато прелесть победы над ними будет всегда для него прелестью новизны и всегда же радовать. Но наряду с животными инстинктами человеческой душе всегда придется бороться и с нежелательными социальными инстинктами, превращающими массы людей в толпы и сплошь и рядом тянущими ее прочь от нравственной чистоты: ведь не секрет, что человек нередко поступает своей совестью только потому, что его понуждает к этому стадное чувство следовать себе подобным, особенно в критические исторические моменты взаимоистребительных войн, когда под непосредственную угрозу ставятся все высшие ценности, истинно человеческие ценности. Кому не известны ничем не оправданные зверства, чинимые

в этих войнах?! Впрочем это стадное социальное чувство и по природе своей тоже сродни животному стадному чувству и уж во всяком случае более сближает человека с животными, нежели с себе подобными. Следовательно, поступая безнравственно, человек рабски отдает дань животному началу в себе, действуя же нравственно, свободно повинуетя истинно человеческому началу в себе. В обоих же случаях «действовать» и «поступать» для души значит действовать и поступать и внутренне и внешне: блюсти нравственный образ мыслей или же пренебрегать им; блюсти нравственный образ действий или же пренебрегать им. И в то время как действия в истинном смысле всегда нравственны, поступки бывают как нравственные, так и безнравственные. Для души притом нравственный образ мыслей – такой же добрый поступок, как и нравственный образ действий постольку, поскольку сознание вполне и непосредственно проявляет и выявляет себя вовне, изливается вовне.

Чистота в отпращивании физиологических потребностей состоит в гигиене физической и умственной, в свободе от чрезмерности и смакования и сопровождается известной стыдливостью за неизбежное, к несчастью, попрание чисто человеческого достоинства. Отсутствие такой стыдливости с необходимостью ведет к разнузданности и скотству и к такого рода изощренности и извращенности, которые вовсе не ведомы животным. Это прежде всего относится к удовлетворению половой потребности, а также к потребности в пище, питье, одежде, жилище и к другим материальным потребностям человека. Чистота здесь совпадает со скромностью в удовлетворении этих потребностей: не более того, что насущно (жизненно) необходимо.

Чистота в любви мужчины и женщины основывается на их взаимном физическом, душевном и духовном влечении, следствием коего является их идеализация друг друга и обоюдное интеллектуальное, эстетическое и моральное взаимообогащение и радостная готовность на полное самопожертвование друг ради друга, безоговорочное убеждение в том, что жизнь любимого существа бесконечно дороже жизни собственной. Она основывается равным образом на самоотверженной любви к детям – своим и не своим – и на нестерпимой жалости ко всему живому.

Чистота в любой области общественной деятельности состоит в преследовании единственной цели – общественного блага и в полной свободе от каких бы то ни было сторонних соображений, не говоря уже о личных выгодах, продиктованных деньголюбием, властолюбием, тщеславием и им подобными низменными побуждениями. Честолюбие хотя и должно быть отличимо от тщеславия, но и оно часто отрицательно сказывается на нравственной чистоте общественной деятельности. Коротко говоря, нравственная чистота совпадает с интеллигентностью, в самом высоком значении этого слова.

3. Понятие о собственно этической чистоте – чистоте этики как науки

Однако не только душевная чистота, чистота намерений, помыслов и побуждений охватывается категорией «чистота». Применительно к этике как науке понятие чистоты имеет также первостепенное значение, и не только в смысле

чистоты намерений, помыслов и побуждений ее творцов (творцов науки этики), что ясно само собой, ведь в этом смысле наука этики нимало не отличается от всех остальных наук, разделяет с ними нравственное требование: к науке, как впрочем, и к любой другой сфере духовной (и не только духовной) жизни человечества, должно подходить с чистыми руками. Такая нравственная чистота, которой должны отличаться деятели науки, искусства, литературы, деятели культуры вообще есть та же душевная чистота – чистота намерений, помыслов и побуждений, о которой говорилось выше. Речь же в данном случае, что касается до науки этики, идет о сохранении в чистоте ее революционно-критической направленности, продиктованной революционно-критической направленностью самой общественной и трудовой, творчески-преобразовательной природы человека, о сохранении в чистоте ее неизменной устремленности к идеалу, к идеалу должного – в будущее, и освобождении ее, этической науки, очищении ее от чуждых, стало быть, враждебных ей классовых, национальных, религиозных, одним словом, идеологических наслоений, замутнявших и затемнявших ее истинное общечеловеческое содержание, ее необходимое содержание, отнюдь не обремененное случайностями ее обрамления, на протяжении веков. Не приходится доказывать, что все эти наслоения, как причины и факторы, их вызвавшие, сохраняют свою силу и поныне. Речь идет о такой системе этики, и такой системе морали, которая была бы совершенно свободна от сторонних элементов. Речь идет, точнее, о всестороннем и решительном очищении морали и науки о морали от всего наносного, привнесенного в них извне и им чуждого и враждебного, с тем чтобы представить этику в ее собственном ореоле, в свойственной ей по природе предмета сверкающей чистоте.

«Собственно этическую чистоту», следовательно, надлежит отличать от «этической чистоты в широком смысле», включающей в себя как нравственную чистоту – чистоту намерений, помыслов и побуждений, так и специально этическую чистоту – чистоту этики как науки.

Вне системы, более или менее разработанной и логичной, нет морали как таковой, и этика понимается мною не только как наука о морали, но и как система морали, мораль как система. Вне системы можно лишь говорить о фрагментах морали, об отдельных, как правило, стихийных и случайных, нередко «бессознательных» ее проявлениях, проблесках и так далее и тому подобное. Вне системы нет морали как таковой, ибо каждое нравственное действие должно восходить как к последнему основанию к главному и стержневому этическому понятию, будет ли это понятие бога, если это система религиозной морали (понятие категорического императива для Канта – лишь завуалированная форма той же религиозной морали), будет ли то понятие индивидуальной свободы, если это иррелигиозная буржуазная этика, и так далее. Истинная наука о морали включает в себя и истинную систему морали. Системы этики (морали) существовали, разумеется, всегда – с тех самых пор, как человек стал осознавать себя в самопротивопоставлении к окружающему, как они существуют и поныне (есть христианская этика со всеми ее разновидностями, которых в настоящем не меньше, если не больше, чем в прошлом, есть экзистенциалистская этика и так далее и тому подобное). Конечно, в этических системах прошлого, как и в настоящем, имелись и элементы истинной морали, без них человечество не могло бы жить и выжить, но они, элементы эти, конечно же, были замутнены, как замутнены

и в настоящем, идеологическими наносами, о которых говорилось выше. Тщательное очищение их, истинных элементов морали, от загрязняющих и захламбливающих их наносов, высвобождение их из чуждых идеологических оболочек, их отягчающих, «вышелушивание» их из этих оболочек, как от самой настоящей шелухи, явилось высвобождением этических принципов – принципов истинной человечности – от окутывавших и опутывавших их бесчисленных и разнообразных, но одинаково догматических норм.

Принципы истинной человечности, образующие нравственный закон, идеальный закон духовной жизни общества, абстрактный по природе, были внутренним, чаще сокровенным, содержанием всех своих конкретизаций на протяжении истории, безразлично: осознавалось это людьми или нет, а если осознавалось, то ясно или смутно. Но при всей несомненности закона, его конкретизация всегда проблематична. Иными словами, при всей абсолютности закона (для человека и человечества, разумеется) его конкретизация всегда относительна. Закон этот в такой же мере общечеловеческий, как и интимно личный: он действителен и насущно (жизненно) необходим для людей как людей в любом обществе, в любой стране, в любое время и в любой обстановке. Мало того, закон этот действителен и для инопланетян, если они имеют быть людьми. Нравственный закон потому и нравственный (не правовой), что устремлен в будущее, к идеалу, и никакая реализация его на практике не удовлетворяет (не устраивает) человека, усматривающего свою задачу не в том, чтобы восхвалять сущее, но в том, чтобы прославлять должное. Ведь коренное отличие нравственного закона от правового закона, охраняющего сущее, исполнение которого принудительно, не зависит от того, согласуется ли он с волей человека или нет, состоит в том, что исполнение нравственного закона свободно и зависит единственно от доброй воли человека.

Принципы всегда и неизменно абстрактны – относительно абстрактны, относительно норм, как и нормы всегда и неизменно конкретны – относительно конкретны, относительно принципов. Принципы истинной человечности по необходимости абстрактны, ибо выражают идеал должного, определенность которого высвечивается лишь вместе с поступательным преодолением ограниченности норм в процессе поступательного развития морального сознания. Они абстрактны потому, что как нравственный закон совести они должны быть всеохватывающими в пределах «контролируемой» каждым из них области, а в своей целокупности всеохватывающими вообще – во всех областях жизни и деятельности человека, ибо под действие нравственного закона в целом подходит и должен подходить любой возможный и мыслимый случай, относительно которого должно быть принято решение. Они являются абстрактными и потому, что эта абстрактность и сообщает им тот характер абсолютной непререкаемости, который отличает нравственный закон. И, если справедлив диалектический тезис, что истина всегда конкретна (а кто в состоянии оспорить это), то конкретность истины, что касается до принципов истинной человечности, именно и состоит в их всесторонней абстрактности. И всякая попытка их конкретизировать в теории есть нарушение чистоты этики как науки.

Всякая конкретизация нравственного закона – принципов истинной человечности в теории есть неизбежно его догматизация, окостенение, отсекает возможность его применения в живой жизни, изменчивой и развивающейся,

враждебной такой догматизации и такому окостенению по существу. Жизнь человеческая, как это давно сделалось аксиомой, не укладывается в схему, всякая же конкретизация закона как догматизация его есть в то же время и его схематизация. Только и единственно абстрактный характер закона есть противоядие против его догматизации и схематизации, убивающих его живую душу. И в этической сфере, в сфере науки об ideally должном, ее живая Жизнь так же необходимо обеспечивается ее абстрактным характером, как и в сфере, охватываемой науками о бытии (о сущем), живая жизнь обеспечивается их конкретным характером.

Всякая конкретизация нравственного закона – принципов истинной человечности – есть его неизбежное ограничение в том или ином из многообразных отношений, ограничение, стоящее в оном противоречии с его всеобщностью, с его изначальным и всеобщим характером и значением (для людей, конечно, но для людей как людей). Когда мы говорим о «многообразных отношениях», мы имеем в виду, понятно, только те отношения, которые так или иначе связаны с моральным аспектом, ибо нравственный закон, естественно, не имеет силы вне моральной сферы. Но в означенной сфере он должен безусловно иметь всеобщую значимость, чтобы сохранить достоинство закона. Закон потому именно и закон, а не правило, что не знает, не может знать исключений, изъятий. И дело не меняется от того, что его исполнение свободно и что есть люди, его нарушающие. Речь лишь о том, что его нарушение невозможно без полного разрушения нравственной жизни в том или ином человеке, хотя она и вновь возрождается в нем с возвращением к нему.

Всякая конкретизация закона – принципов истинной человечности как таковая есть в качестве факта морального сознания сущее, а не должное, ибо одинаково зависит как от наличного состояния общества, так и от наличного же состояния осуществляющего ее (конкретизацию) человека: от уровня его образования – интеллектуального, эстетического и морального – в данный определенный исторический момент. И не в одной только зависимости, которая несомненна, здесь дело: конкретизация нравственного закона сама по себе есть ограниченное бытие, а не безграничное долженствование, и наносит урон строгой логике науки этики, захламляя ее. Сохранение нравственного закона – принципов истинной человечности в его строгой чистоте – насущная задача этики как науки. Но всякая его конкретизация в теории с неизбежностью ведет к его вульгаризации. Он может и должен быть конкретизован только в практике, в ходе его практического претворения, неизменно приближенного, как это понятно само собой.

Всякая теоретическая конкретизация закона есть по существу его удвоение, создание наряду с ним нового, конкретного закона, из кодекса норм состоящего, а значит, и вытеснение «старого», исконного абстрактного закона, из системы принципов состоящего, ибо конкретное легче воспринимается, запоминается и усваивается, нежели абстрактное, по сути дела ведет к забвению того самого настоящего закона, принципов истинной человечности, конкретизацией которого и призван быть этот новый «нравственный закон». Всякая теоретическая конкретизация Принципов, в отличие от их практической конкретизации, есть заведомое их уродование. Конечно же, и практическая их конкретизация применительно к каждому данному случаю и в данных обстоя-

тельства места и времени каждым отдельным человеком есть уродование их, но это уродование непреднамеренное, хотя и вызывается не только внешним бытием, но и бытием внутренним субъекта, неизбежной ограниченностью его умственного, эстетического и этического кругозора (горизонта), тогда как уродование Принципов, связанное с их теоретической конкретизацией, является преднамеренным, стало быть, заведомым. К принципам истинной человечности как таковым, как абстрактным и идеальным по природе, понятие чистоты неприменимо и потому они не быть запятнаны по самому существу своему, и только их практическая реализация, или, что то же, их практическая конкретизация, то есть превращение их в нормы, разумеется, ведет к нравственному запятнанию норм. Но такая попытка, невзирая на ее этическую ущербность, есть не только нравственно желательная, но и нравственно обязательная попытка. Ибо как иначе возможно претворение идеального нравственного закона в реальной жизни человеческой?!...

Конкретизация закона, а таковой, как говорилось, может быть лишь практическая его конкретизация, – дело совести каждого, каждого отдельного человека: нравственный закон всечеловеческой совести потому и нравственный, потому и закон, что он свободно воспринимается каждым как закон собственной совести. Сам человек с его совестью – судья в собственном деле. А потому неоспоримая прерогатива самого человека конкретизировать закон для себя, решить, как поступить в том или ином отдельном случае, как претворить в этом случае нравственный закон совести. Ведь как иначе он может свободно воспринимать закон, как не свободно конкретизируя его для себя. Навязать ему такую конкретизацию заранее – значит лишить его внутренней, духовной, нравственной свободы, значит нарушить тот же нравственный закон, именно принцип свободы. Человек выступает в роли свободного творца собственного нравственного сознания на основе общечеловеческого закона собственной совести, и чем свободнее он себя в этом случае чувствует, тем прочней овладевают им, его сознанием, принципы истинной человечности.

Всякая официальная кодификация нравственного закона, «норматизация» его, уже самим фактом своим противостоит внутренней, духовной или нравственной свободе человека, превращает нравственный закон в закон до известной степени политический (юридический), не как диктуемый собственной совестью каждого, но как бы «спускаемый» свыше. Нечего и говорить, что на самом деле не может быть нравственного закона, кроме совести, общечеловеческой и интимно личной в одно и то же время, совести, уже потому не поддающейся кодификации, что она вечно устремлена в будущее – как идеал. Кодификации, стало быть, догматизации поддается лишь нечто застывшее в своей конкретности, а не абстрактный по природе нравственный закон. Всякая официальная конкретизация (следовательно, и истолкование – это заметьте!) нравственного закона есть «нравственная регуляция» и в качестве таковой есть социологическая и политическая, но только не этическая функция. Она неразрывно связана с понятиями «руководства» и «управления» обществом, каковы понятия, конечно же, суть категории социологические и политические (юридические и педагогические в том числе), но только не этические. Мало того, со строго этической точки зрения управление людьми (а не вещами) в сфере нравственной абсолютно недопустимо, как бы оно ни представлялось

необходимым, скажем, в военной области. Не дело этики служить рычагом (одним из рычагов) в руках государства в укреплении представляемых им общественных порядков, не ее дело «внедрять в массы» нравственные понятия, как это многие себе представляют. Не говоря уже о том, что такое «внедрение» похоже на «управление» или «регулирование», уже сама категория «массы» применительно к людям есть опять-таки не этическая, но социологическая и политическая категория (вспомните: масса, класс, партия, вождь). Этика и как система науки, и как система морали изначально имеет дело с человеком, а не с массой, с человеком, всегда и неизменно самосовершенствующимся и в интеллектуальном, и в эстетическом, и в моральном отношениях (независимо от его официального образования!), а не с безымянной и безликой массой, объектом нравственной «регуляции». Служебная роль идеальных (морально-этических) ценностей – истины, правды и красоты, воплощенных в высшем идеальном синтезе в добре (как добро), исключается, как и круглый квадрат, как и деревянное железо.

Нельзя превратить в средство то, что составляет единственную цель всех истинно человеческих усилий, в какой бы сфере деятельности они ни прилагались, верховную цель всей жизни человека и человечества в целом. Нравственный закон – закон совести – обращен человеком к самому себе, а не к другим, в том числе, разумеется, и повеление хранить общественную собственность как зеницу ока, как и повеление бороться за добро – имманентное содержание совести. Для охранительной функции существуют соответствующие социальные институты, имеющие своим прямым источником государство, каковы право, педагогика, повседневная идеологическая работа и тому подобное, которые должны, однако же, функционировать не в противоречии с совестью, с нравственным законом, с принципами истинной человечности, но, насколько возможно, в унисон с ними, если претендуют на роль нравственных институтов. Я говорю «насколько возможно», ибо сам факт государственного принуждения пребывает в противоречии с собственно нравственностью, с духовной свободой человека. Нравственный закон совести должно всегда и неизменно сохранять в его идеальной (свободной) сущности, если человечество не хочет и не может лишиться единственного надежного ориентира в своих действиях, верховного принципа (верховой цели) своей общественно-исторической практики.

Сохранить же нравственный закон совести в его идеальной сущности значит сохранить его, повторим, в его неизменной устремленности в будущее, к должному, сохранить неповрежденным его революционно-критическое острие. Ведь есть и, вероятно, будет немало охотников до того, чтобы приспособить некоторые положения этики к бытию, надломить или притупить ее революционно-критическое острие, то есть истолковать ее эмпирически, только бы она служила средством утверждения существующего, в том числе и конъюнктурно существующего, несла ту самую охранительную функцию, о которой говорилось выше. Они стремятся и будут стремиться сочетать несочетаемое – должное и сущее. Конечно, в реальной жизни бытие и долженствование и в самом деле взаимосвязаны, то и дело переплетаются между собой, но только не в духовной жизни, иными словами, в действительной, идеальной, нравственной жизни человечества – здесь они решительно противостоят одно другому, противостоят во всей непримиримости.

Этика – единственная наука о должном. Идеально должное – специфический предмет этики, и должно проявлять всяческую заботу о том, чтобы не затуманить этот предмет представлениями, извлеченными из мира сущего. Далеко отклоняются от истины те, кто подменяет этические принципы – принципы истинной человечности, нацеленные на должное и только на должное, нормами, ограничивающими эти абстрактные принципы конкретным их переложением, продиктованным сущим. Таким образом, важный аспект чистоты этической науки – ограждение должного от любых чуждых ему вторжений, от наплыва представлений, способных исказить его природу. Освободить истинный предмет нашей науки от всякого рода уродующих его напластований тем труднее, что они накапливались и затвердевали веками. И тем не менее должно настойчиво и бескомпромиссно очищать идеал должного, или должное как идеал во избежание эклектицизма в теории и оппортунизма на практике.

Внутренняя, духовная, или нравственная свобода человека, сопряженная с его строжайшей ответственностью перед совестью, обеспечивается лишь соблюдением в чистоте принципов истинной человечности при их практическом приложении. Ведь не следует забывать, что необходимая практическая конкретизация Принципов для каждого данного отдельного случая – дело творческой совести каждого. Вне этого условия понятие нравственной свободы теряет смысл. Свобода человека неизменно сводится на нет, если ему отказывают в праве самому решать, как поступить в том или ином определенном случае во имя исполнения нравственного закона собственной совести – совести всего человечества – принципов истинной человечности. Без внутренней, духовной, или нравственной, свободы человек включен как винтик в общую стихийно необходимую, для него, для человека, принудительно необходимую, систему бытия. Только нравственная свобода радикальным образом выделяет человека из всего, что наделено жизнью, выделяет его из всего остального животного мира, которому он принадлежит по рождению – по происхождению. И эта нравственная свобода прямо порождена его объективной общественной, трудовой, творчески-революционной природой.

Духовной свободе человека, диктуемой ему его нравственным самосознанием, явственным образом противостоит религия, что не помешало верующим отождествлять религию и нравственность, тогда как на самом деле нравственность и религия – антиподы, как антиподы наука и религия. Мы уже знаем, что этика не только система морали, но и наука о морали, и как наука она – истинная этика – не может же противоречить религии. Если научная этика базируется на научно обоснованном и ясном понятии о природе человека и полноте ее реализации в добре, то религиозная этика, наоборот, базируется на том или ином, но всегда смутном «понятии» божества. Воле божества приписывают не только элементы истинной морали, имеющиеся в любой религиозной этике, но и прямо ей, истинной морали, противостоящие, но зато требуемые богословской догматикой того или иного толка. Неразумно было бы думать, что какая бы то ни была религия согласится играть служебную роль относительно требований нравственного сознания, какими бы категоричными они ни представлялись. Как раз напротив: она эти естественные требования безусловно подчинит своим основополагающим теологическим догмам. Только в научной, свободной от религиозных предубеждений, этике принципы нравственности предстают

как высшие принципы человеческого существования, а добро – верховным идеалом человечества прошедшего, настоящего и будущего, имманентным содержанием его совести. Мы не говорим уже о том, что только научная этика увязывается с внутренней, духовной, или нравственной свободой человека. Такой свободе любая система религиозной этики явно противостоит, несмотря на противные заверения. О какой духовной свободе человека может идти речь, если над ним фатально стоит абсолютный господин – господь бог, обращая его в раба. О какой свободе вообще может идти речь в теократическом государстве, в котором священники присвоили себе всю полноту власти под предлогом единственных правомочных истолкователей божественной воли. Правда, говорят, что вольному воля, спасенному рай. Нетрудно усмотреть, что в этой русской народной поговорке прямая угроза со стороны религии, любой религии, в адрес вольномыслящего и вольнолюбивого человека: спасение гарантируется (или обещается?) только верующему, тогда как за неверующим остается одна голая свобода со всеми опасными последствиями, уготовленными слушникам инквизиторами, «ревнителями веры». Тем самым и этой поговоркой подчеркивается, что истинная внутренняя (духовная) свобода сопряжена с внешней жертвенностью – от руки ее преследователей.

Основываясь на единственно прочном фундаменте – на научно обоснованном понятии о природе человека и полноте ее реализации в добре, этика, не только как наука (это разумеется само собой), но и как система морали имеет, как о том говорилось не раз, общечеловеческий характер изначально и по существу. Хотя она в классовом обществе неизбежно обрастает классовым содержанием, последнее не в состоянии изуродовать ее вполне. Этому решительно препятствует ее стержневое понятие – понятие о природе человека и полноте ее реализации в добре. Но, не будучи в состоянии начисто исказить ее общечеловеческий характер, классовое содержание этики накладывает на нее неизбежный социологический налет. Я говорю «налет», а не «отпечаток», так как последнее слово имеет в себе привкус преднамеренности, тогда как социологический налет, о котором мы говорили, происходит произвольно, просто в силу классового строения общества. Я говорю «социологический» налет, так как социология как наука о бытии (о социальном бытии) противостоит этике как науке о долженствовании. Социологическое облачение, облегающее принципы истинной человечности и превращающее их в нормы поведения, неизбежно не только в классовом обществе, но и в обществе доклассовом, ибо непосредственным образом обусловлено потребностями практической конкретизации Принципов – нравственного закона совести. Более того, даже в будущем бесклассовом коммунистическом обществе это в корне чуждое идеальной природе Принципов социологическое облачение сохранится, так как практическая конкретизация Принципов неизменно будет детерминироваться наличным уровнем зрелости коммунистического общества, равно как и наличным уровнем нравственного самообразования субъекта, его интеллектуально, эстетического и морального образования и развития.

Только внутренняя, духовная, или нравственная, свобода человека, включающая в себя свободу не только от религиозных, но и от расовых, национальных, классовых и всяких прочих предрассудков, от всяческих социальных предрассуждений вообще, способна обеспечить чистую человечность, которая,

как прекрасно писал Белинский, так лелеет нашу душу в сочинениях Пушкина. Нет для человека, существа общественного по природе, ничего желательнее, чем чистая человечность, диктующая ему единственный правильный подход к человеку, к своему другому, а также к животным и растениям – ко всему, в чем искрится жизнь. Каждый понимает, что в любом добром поступке в любой части света дает о себе знать человечность, которая зачастую и к несчастью с трудом пробивает себе дорогу, пробивает ее через толщу всякого рода ложных представлений. И как еще более прекрасным должен выглядеть добрый поступок, если он рожден чистою человечностью, не обремененной такими представлениями. Ведь эти последние не могут не сказаться на самом добром поступке отрицательным образом, пусть и в малой степени. Другими словами, при прочих равных условиях выигрывает то именно Нравственное действие, которое продиктовано единственно нравственным законом, олицетворяющим собою эту чистую человечность, не отягощенную посторонними и чуждыми ей факторами и соображениями. Чистая человечность – это светозарный источник всего истинно благородного в жизни.

Как единственная наука о должном этика имеет (и не может не иметь) некоторые особенности (некоторых особенностей), отличающие ее (отличающих ее) от всех остальных наук – наук о сущем. К числу таких особенностей этики надо отнести то, что она одновременно и наука о морали, и научная система морали. Можно было бы сказать, что эти две категории («наука о морали» и «научная система морали») составляют две стороны одной и той же медали, если бы какую-либо из них можно было бы счесть лицевой. Как наука о морали этика – теоретическая наука, как научная система морали она же – практическая наука. Можно было бы сказать, что каждая из двух сторон этики является зеркальным отражением другой, если бы по природе зеркальное отражение не было бы отражение «наоборот».

Уже из сказанного следует, что ни одна из сторон этики не в состоянии играть «служебную роль» относительно другой, как науки о сущем играют относительно науки о должном, ведь все науки, как одна, призваны решать основную задачу, этическую по существу, облагораживания человечества, и в этом смысле играют по отношению к этике «служебную» роль. Можно было бы говорить о служебной роли теоретической стороны науки этики по отношению к практической ее стороне, к практике морали вообще, если бы этика как наука о морали и этика как научная система морали не начиналась задолго до прямого нравственного действия (до моральной практики), не начиналась с нравственной чистоты – чистоты намерений, помыслов и побуждений. И иначе моральное действие начинаться не может. Нравственный образ мыслей и действий по необходимости предшествует самому нравственному действию.

Предшествуя практике, моральной практике, этика столь же необходимо опережает ее как наука об идеальном должном. Не ее дело приспособляться к практике, как раз напротив, практика, если она имеет быть истинно моральной, должна приспособляться к ней. И если уж говорить о практике жизни (речь идет, конечно, о моральной практике жизни), то скорее она обслуживает этику, и во всяком случае не этика ее. Можно было бы сказать, что и во всех остальных науках, науках о сущем, имеются и предшествующие практике и опережающие ее моменты, и это было бы справедливо. Но если в

других науках такие моменты в каждом отдельном подлежащем исследованию случае могут быть, а могут и не быть, хотя, как правило, они бывают, то в этике эти последние перерастают в систему, приобретают качество категорического императива: человек обязывается иметь нравственный образ мыслей и действий еще прежде самого действия и обязывается соотносить этот нравственный образ мыслей и действий с идеально должным в максимально обозримом будущем (конечно же в практике оно, такое идеально должное, будет реализовано лишь приближенно, так как в практике оно вообще и неизбежно реализуется лишь неадекватно). Без такого обращения к идеально должному, к идеальному будущему человек так же неминуемо выводит себя из сферы нравственного самосознания, как и без предвещающего действия нравственного образа мыслей и действий.

Высшим, стержневым понятием, к которому тяготеет истинная этика, истинная система морали и истинная ее система науки о ней – это, как уже говорилось, последовательно научное понятие о природе человека и полноте ее реализации в добре. И все то в этике и морали, что идет вразрез с этим научно обоснованным понятием о природе человека и полноте ее реализации в добре и что так или иначе сказывается на нравственном сознании субъекта, если не в направлении его полного искажения, то в направлении его замутнения или в направлении перемешки истины и лжи, правды и кривды, красоты и уродства – одним словом, блага и зла (уже Пушкин писал, что в нашем сознании сплошь и рядом «благо смешано со злом»), все это должно быть решительно удалено из истинной системы морали и науки о ней. Коротко говоря, значение этической чистоты, как и чистоты нравственной в собственном плане, чистоты намерений, помыслов и побуждений, не может быть переоценено. Можно, без всякого сомнения, поступать нравственно, то есть по совести, и будучи религиозным человеком, но тот, кто поступает так же, руководствуясь одной лишь совестью, подчиняясь ее верховенству, поступает гораздо последовательнее, чем тот, кто самое совесть подчиняет верховенству «сверхъестественного существа», ибо по сущности, повторим, нравственность и религия – антиподы, как и естественное и сверхъестественное, как и логика и алогизм, как и разум и мистика, как и строгая наука и произвольная фантазия.

Освободить мораль от чуждой ей опеки всего привнесенного в нее извне и провозгласить ее полную автономию, что касается до всего остального содержания сознания, автономию, вследствие коей она никоим образом не может рассматриваться как средство, но как единственная достойная цель всех человеческих устремлений, во всяком случае как верховная их цель, и значит обеспечить ту этическую чистоту, к коей надлежит стремиться, в особенности тем, кто занимается этикой как наукой. Религиозных верований, прямо скажем, много, тогда как нравственность, как и наука о ней, если она действительная нравственность и действительная наука, одна, ибо состоит единственно в полной реализации человеком своей истинно человеческой природы в добре. Что истинная нравственность одна и сводится к полной реализации человеком своей природы в добре, более или менее ясно сознавалось едва ли не всеми, писавшими по вопросам этики. Отсюда и происходит, что во всех решительно системах морали и этики, как бы по основам своим они ни расходились между собой, вследствие того, что в них отразились особенности формации с их клас-

совыми и идеологическими предрассудками, имеются все же и тождественные элементы истинной морали. Без нравственности ни одно общество, и об этом уже тоже говорилось, выжить не может, не ее, понятно, «вина», но именно «беда», что ее опутывают, как тенётами, всякими сторонними вторжениями, и даже возводят к ним как к первоисточнику (первопричине). В таком пленённом виде она и в самом деле «надстройка» над «базисом», но только не в своем собственном существе, ведь только в ее чистом, идеальном виде обнаруживается вполне ее общечеловеческий (не классовый) характер.

Чистота в этике несомненно более необходима, чем в любой другой науке, ведь она трактует о должном, тогда как все они о сущем. Она призвана руководить побуждениями субъекта к действию. И неправильно ориентированное моральное сознание, искаженное ошибочными исходными соображениями, на самом деле привнесенными в него извне, и как приводящие в него со стороны ему чуждые и даже враждебные, каковы те же религиозные предрассудки, способно породить роковые последствия, тогда как практика, напротив, доказывает, что каковы бы ни были предрассудки у того или иного физика или физиолога, они, как правило, не влияют на его чисто научные исследования. Короче говоря, ложное и лживое в своем основании учение о «двойственной истине» – истине науки и истине веры – не столько приносит практического вреда в науках о сущем, сколько в науке о должном. Но даже и в этике дело обстоит не столь безнадежно, как о том можно было бы думать и как то могло бы быть на самом деле, ибо здравый смысл (тот самый обыкновенный здравый смысл, против которого столько стрел выпустили философы, и поделом) заставляет в особенно критические моменты объединяться и представителей различных религий, а их всех – и с самыми настоящими безбожниками, скажем, в момент грозящей человечеству ядерной катастрофы, и объединяться именно на моральной основе (а на какой же еще?!), что лишней раз доказывает, что если людей что-либо единит, то, конечно же, не различия, вполне безнадежные, ибо произвольные, в религиозных верованиях, но именно единство, проистекающее из всеобщности и необходимости нравственных начал. Но если столь неоторимо действие отдельных элементов истинной нравственности, то какова должна быть их сила, когда они же, очищенные от чуждой им шелухи и осмысленные под собственным углом зрения, возводятся в истинную последовательно научную систему этики, покоящуюся как на незыблемом фундаменте на научно обоснованном понятии о самой природе человека и полноте ее реализации в добре? Поистине: понятие «чистота» применительно к науке этики переоценить нет никакой возможности.

Конечно, человек нередко действует этически правильно чисто интуитивно. Во сколько же раз чаще, и главное, чище, он поступал бы правильно, если бы был вооружен свободной от сторонних положений наукой этики. Ведь во многих случаях его нравственная интуиция стоит в противоречии с его же этическими убеждениями, продиктованными ему не научно обоснованным понятием о природе человека и полноте ее реализации в добре, но стоящими в антагонистическом отношении к нему (к научному понятию о природе человека) предрассудками всякого рода.

Чистота этической науки – надежный заслон против соглашательства (оппортунизма) всякого рода – и в теории, и в жизни. Этика ригористична по самому глубочайшему существу и в корне несовместима с соглашательством –

и в жизни и в практике. Такое соглашательство представляется в этическом плане как нонсенс (невозможность), ибо есть не что иное как прямое попрание Принципов – нравственного закона совести. Всякая безнравственность происходит именно из того, что в жертву приносится совесть – принципы истинной человечности, тогда как во всем решительно можно уступать, если в том существует необходимость, но только и единственно не в Принципах. Поступаться своей совестью – значит пребывать в состоянии безнравственности, пусть это будет в самом, казалось бы, «малом», ибо в свете совести все одинаково значительно! Всякое соглашательство в теории начинается с эклектицизма – с противоестественного стремления сочетать несочетаемое, добро со стихией зла. Компромиссы и в жизни и в политике возможны и даже необходимы, но только не в науке, не в нравственности, не тем более в науке о нравственности. Я говорю дважды два – четыре, а вы говорите дважды два – пять; давайте договоримся: дважды два – четыре с половиной. Вот что такое компромиссы в науке. Но и в жизни, и в политике компромиссы не должны означать соглашательства. Компромиссы (только не соглашательства!) допустимы лишь при двух минимальных условиях: они могут быть только временными, ибо затяжной характер, обращая их в привычку, превращает в соглашательство; они явственно должны обнаруживать свою природу компромисса, а не соглашательства. И единственный род компромиссов, которые исключаются совершенно, по самой природе вещей, – это компромиссы со своей собственной совестью, всечеловеческой совестью, компромиссы что касается до имманентного содержания совести, добра, – компромиссы в истине, компромиссы в правде, компромиссы в красоте. Такие компромиссы идут вразрез с чистою человечностью. Можно без всякой тени преувеличения сказать, что все самые погибельные события в истории человечества имели своей непосредственной – первой и всеконечной причиной, поскольку вопрос рассматривается в субъективной плоскости, принесение в жертву нравственного закона – принципов истинной человечности. И до тех пор, пока они будут попирались в мире, пока будут загрязнять человеческие души, их попранием, пока будут пытаться запятнать их неизбывную чистоту всякого рода софистическими, спекулятивными доводами, такие самые погибельные события будут в истории человечества повторяться все вновь и вновь. В этом нет и не может быть ни малейших сомнений. И это при любом общественном строе. Короче говоря: спасение человечества – в нравственной чистоте.

Природа совести такова, что она не мирится с соглашательством, какого бы рода оно ни было. Любое соглашательство сводит совесть с ее идеалом добра на нет. Ведь ясно само собой, что соглашательство в истине есть «узаконение» лжи; соглашательство в правде – «узаконение» кривды, соглашательство в красоте – «узаконение» уродства. Иначе говоря, соглашательство в благе – «узаконение» зла. Но следует низринуть совесть, чтобы согласиться с такого рода узаконением. Соглашательство же в добре как верховном этическом идеале человечества означает «узаконение» в ее первозданности и непрерываемости извечной стихийной принудительной необходимости бытия природы. Но узаконить такую слепую необходимость бытия означает то же самое, что низринуть человека с его разумной творчески революционной природой с занимаемого им высокого пьедестала.

Любая деятельность в любой области, чтобы отвечать своему истинному (высокому) назначению, должна строиться на научной основе, должна исходить из принципа объяснения мира из него самого, не прибегая к потусторонним причинам для его «объяснения», – должна строиться в первую голову на научной этической основе, если деятельность эта и в самом деле призвана служить ко благу человечества, а не во вред ему. Высшее же благо человека и человечества – человечность, сохранение в его исконной чистоте высокого звания человека. А это возможно лишь на основе строгой чистоты этики и как научной системы морали, и как науки о такой системе. Этика есть этика Принципов, абстрактных по природе, а не норм; хотя нескончаемое историческое развитие самих Принципов есть бесконечное историческое чередование конкретных норм, в которых они на практике необходимо воплощены. Значит ли это, что этика как наука не подлежит развитию, коль скоро Принципы уже сформулированы? Конечно, не значит, но развитие этики как науки есть и должно быть ее развитием как науки о должном, и только о должном. Всякого рода отступления от этого требования суть не развитие науки, но именно затемнение ее категориями, извлеченными из наук о сущем, и прежде всего из социологии морали. Нельзя, категорически запрещено! смешивать этику с социологией морали, как нельзя смешивать противоборствующие друг с другом понятия, каковы должное и сущее.

4. Понятие о чистоте применительно к этическим принципам и нравственным правилам

Чистота в уразумении нравственного закона слагается из чистоты в уразумении каждого принципа в отдельности. Этим лишний раз подтверждается необходимость расчленения единого нравственного закона совести на принципы истинной человечности. При всем том, что Принципы образует целокупность, составляя единое целое – нравственный закон, или категорический императив совести, невозможно разобраться в существовании последнего, не разобравшись в каждом из Принципов в отдельности, а значит, и в его строжайшей идеальности. Необходимо отдавать себе ясный отчет в специфичности нравственного содержания нравственного предписания (повеления) каждого из Принципов, чтобы составить себе исчерпывающее понятие о целокупности Принципов как нравственном законе. А это значит, в свое очередь, освободить принципы истинной человечности от всего, что может служить помехой к их подобающему уразумению, опять-таки оградить чистоту в их понимании от всего, что способно ее затемнить.

Сберечь в себе совесть – таково первое категорическое повеление совести, первый принцип истинной человечности, сберечь ее в себе во что бы то ни стало, даже ценою самой жизни, ибо совесть выше жизни: совесть всечеловечна и безгранична, доколе жив род людской на нашей или на какой-либо из других бесчисленных планет во всей бесконечной в пространстве и времени Вселенной, жизнь же индивидуальна и ограничена. Стало быть, жизнь человека в собственном смысле – жизнь для (по) совести. Жизнь вопреки совести недостойна называться человеческое жизнью, вполне и всецело уподобляется

жизни животного, чем лишний раз подтверждается, что совесть отличительнейшая черта жизни человека. Сберечь в себе совесть – первейшая задача, задача притом столько же трудная, сколько и важная, я бы сказал, труднейшая задача, самая трудная из всех, и важнейшая задача, задача первостепенной этической важности. Эта задача – единственная задача принципа совести, и ее обременение всякими другими задачами может лишь помешать его ясному уразумению, ведет к замутнению в понимании принципа, хотя каждому ясно, что должным образом выполнить эту задачу невозможно без неукоснительного соблюдения предписаний всех остальных принципов истинной человечности, в систему которых принцип совести входит и начальное звено коей составляет. Доказывает по-настоящему силу воли своей тот, кто в своей жизни и деятельности умеет ставить совесть превыше всего, кто умеет оберегать ее в себе вседневно и всечасно, кто учится раз и навсегда сберечь ее в себе от наплыва обстоятельств, так же разнородных, как и неизбежных.

Было бы безнадежным делом взять на себя перечисление этих обстоятельств, напирających на человека со всех сторон, как и способов сберечь в себе в них святая святых человеческого существа, какова совесть человека и человечества. Любая теоретическая конкретизация в этой плане, любая «норматизация» здесь граничила бы со схоластикой и догматизмом и налагала бы наручники на человека, не достигая, однако же, цели по самой природе вещей, ибо такая конкретизация попросту невозможна. Одно несомненно: сохранение в себе совести требует нередко героических усилий в борьбе с животным инстинктом самосохранения в себе, самого настоящего самопожертвования во имя идеала, сосредоточения всех душевных и духовных сил, продиктованных той же совестью. Бесстрашие и презрение в страданиям, боли и к самой смерти – вот главная черта характера, которую должен быть готовый проявить каждый, кто раз и навсегда решил жить по совести. Не допуская теоретической конкретизации в способах реализации своего повеления оберегать в себе совесть, принцип совести требует вместе с тем своей практической конкретизации в каждом отдельном случае, что является единственно делом совести каждого – как выражение его внутренней, духовной, или нравственной, свободы, присущей ему как существу общественному, трудовому, революционеру по природе.

Принцип самосовершенствования, включающий в себе интеллектуальное, эстетическое и моральное самосовершенствование, тоже не может быть без ущерба для него «норматизован». Тщетно было бы начертать конкретную программу подобного самосовершенствования, так как мало того, что она должна была бы разнообразиться от человека к человеку, она должна была бы меняться по мере реализации почти что непрерывно. Мы не говорим уже о всегдашней ограниченности наличествующего уровня интеллектуального, эстетического и морального образования данной эпохи, каковая ограниченность неизбежно сказалась бы на уровне нравственного самосознания человека, ежели была бы принята за образец. Поэтому «в просвещении быть с веком наравне» – требование социологическое, но отнюдь не этическое, которое по самой природе своей призвано выводить нас прочь из настоящего в будущее, к идеалу. Научное предвидение, опережающее наличный уровень сознания, так же согласуется с категорией должного, как и несовместимо с категорией сущего, разумеется,

пока это научное предвидение не реализовалось на практике (в практике познания). Короче говоря, нельзя допустить, чтобы наличествующий уровень сознания, будучи кодифицирован, довлел над естественным и насущным стремлением человека к идеально должному, стремлением, диктуемым совестью. Следовательно, чистота в уразумении принципа самосовершенствования – в уразумении его абстрактности, тогда как его практическая конкретизация – дело совести каждого.

Чистота применительно к принципу добра означает неукоснительное попечение о том, чтобы не смешивать добро с благом, неизменную заботу о том, чтобы добро мыслилось лишь как должное, оставалось в наших стремлениях к нему идеалом, памятуя о том, что будучи реализовано и, стало быть, превращено в благо, оно, как и любое другое существующее, уже человека не удовлетворяет, не устраивает его, как и бытие в собственном смысле, ибо он, согласно с природою своею, стремится к еще лучшему, смотрит вперед, а не назад, ведь всякое настоящее (благо) мгновенно превращается в прошлое.

Чистота относительно принципа добра означает таковую же относительно каждой из его идеальных составляющих – идеальной истины, идеальной правды, идеальной красоты. Истина в идеале должна возможно точнее (адекватнее) отражать сущее; правда в идеале – возможно точнее (адекватнее) выражать должное; красота в идеале – возможно точнее (адекватнее) отобразить противоречие между сущим и должным и его разрешение человеком в новом, третьем, служащем фрагментом идеального нового мира, реально творимого человечеством в порядке объективации своей творчески-революционной сущности. Идеальная точность (адекватность), о которой идет речь, и совпадает в этом определенном смысле с идеальной же (нравственной) чистотой. Чистота же в уразумении принципа в более общем плане состоит в следующем: только и единственно в свете идеала добра должно быть рассматриваемо все, что творится человеком как нравственно хорошее, и отклоняться им как нравственно дурное. Верховный идеал добра – единственный свет, озаряющий всю нашу жизнь под углом зрения ее соответствия или несоответствия высшим ценностям, истинно понятой идеальной природе человеческого существа и ее запросов.

Те, кто наряду с критерием совести – добра (не следует забывать, что совесть – форма добра) полагает возможным пользоваться и другими критериями в оценке своих поступков, те тем самым, хотя бы они того или нет, далеко уклоняются от истины, затемняют для себя самое суть принципа и самое суть нравственности вообще. При этом люди, о которых идет речь, порождают безнадежную путаницу в оценках своих и наших поступков, пользуются в своих нравственных оценках понятиями, извлеченными из других, чуждых этике как таковой сфер. Следует раз и навсегда уяснить себе, что если в юридической науке и практике пользуется понятиями преступления и наказания, а в богословской «науке» и практике – понятиями греха и воздания, то в науке этики эти понятия выглядят не иначе, как чуждые и враждебные ей в корне, как и понятия «преступник» в юриспруденции и «грешник» в теологии. В этике мы имеем дело лишь с понятиями «нравственное» и «безнравственное», и приложимы они не к человеку, а к поступку. Только поступок бывает нравственный или безнравственный. О человеке же мы говорим, что он пребывает в состоянии нравственности или безнравственности в зависимости от того, какой именно

поступок совершен им в данный момент. Человек, позволивший себе безнравственный поступок, стало быть, находящийся в состоянии безнравственности, может по своей доброй воле совершить нравственный поступок и тем самым выползти из состояния безнравственности в нравственное состояние, но он при этом не должен забывать, что зло, причиненное его предыдущим безнравственным поступком, вечно (то, что я называл «условно вечным»), ибо никакое время не в состоянии сделать бывшее не бывшим.

И еще один важный момент, если уж говорить о чистоте науки этики, отличается этическую оценку от юридической или теологической: если последние относятся в подавляющем числе случаев к поступкам других людей, хотя и не исключается вполне отнесение их и к собственным поступкам (к поступкам самого субъекта оценки), то в этике оценка может и должна относиться только и исключительно к собственным поступкам нравственно образующего себя человека. Вследствие внутренней, духовной, или нравственной, свободы человек отвечает за все, что делает или не делает лишь перед собственной совестью, и хотя отвечает и за поступки других, но не его дело «судить» их. «Судить» он «вправе» лишь самого себя – мучиться угрызениями совести. А это значит – возможно больше творить добра, реализовывать принципы добра на деле – во всей своей жизни и деятельности.

Чистота применительно к принципу общественной собственности означает неизменное попечение о том, чтобы принцип всегда оставался идеалом, то есть ни на секунду не терял в своей идеальности, чтобы завоеванная в результате коммунистической революции реальная общественная собственность в максимальной мере приближалась к идеальному (этическому) принципу общественной собственности, сделалась идеально общественной собственностью, а не представлялась бы уже реализованной как принцип, ибо реализованный на практике (если бы это было возможно!) принцип общественной собственности, как и любое другое благо, не есть уже этический принцип в собственном смысле, но есть уже определенно сущее, явно человека не удовлетворяющее, не отвечающее его все растущему нравственному самосознанию. Только совершенствованием (это неустанный и положительно бесконечный процесс) реальной (эмпирической) общественной собственности в духе верховного идеала человечества – идеала добра достигается все более последовательная реализация идеального же (этического) принципа общественной собственности, достигается вместе с тем и известная степень реализации его идеальней нравственной сущности (высоты). Пуще всего должно остерегаться того, чтобы орудия и средства производства, изъятые, наконец, из рук частных лиц и обращенные в общественную собственность, не оказалась, если не во владении, то в фактическом и полномочном распоряжении группы правителей: из материального источника гражданской свободы они в этом случае обращаются в свою прямую противоположность в материальный же источник гражданского рабства, попрания всех свобод и прав, из первоисточника всех благ – материальных и духовных в первоисточник всех и всяческих социальных зол. Такая возможность, как показал исторический опыт, отнюдь не абстрактная только возможность и представляет настоящую западную и страшную угрозу для человечества, ведь с общественной собственностью на орудия и средства производства оно связывает все свои лучшие надежды.

Принцип общественной собственности органически связан со свободой и равенством (социальным равенством) людей, и степень реализации последних (свободы и равенства) служит убедительнейшим показателем, самым, если угодно, демонстративным показателем степени реализации принципа общественной собственности. Достигнутый уровень свободы и равенства, как и достигнутый уровень общественной собственности на средства производства, не может удовлетворить нравственно образующего себя человека без условия нарушения принципа общественной собственности, хотя бороться до последней капли крови за него – достигнутый уровень общественной собственности, свободы и равенства – первейший и священнейший долг человека и гражданина, диктуемый тем же принципом общественной собственности: хранить общественную собственность, коль скоро она уже завоевана, пуще жизни. Достигнутые гражданская (социальная) свобода и гражданское (социальное) равенство лишь тогда сохраняют принцип общественной собственности в его имманентной (внутренне присущностной) нравственной высоте, когда предусматривается и ни на мгновение не упускается из виду их непрерывное (непрестанное и неустанное) совершенствование, то есть последовательное и поступательное утверждение их в жизни общества.

Чистота применительно к принципу труда означает точное и всестороннее уяснение себе роли труда в жизни общества – не только в процессе очеловечения животного предка человека, но и роли его, труда, в непрерывном и последовательно поступательном очеловечении самого человека, в его, человека, неустанном самоутверждении в своей революционной, творчески-преобразовательной (созидательной) сущности. Труд человека лишь тогда отвечает своему высокому назначению, predetermined этическим принципом труда, лишь тогда отвечает хотя бы до известной степени неотъемлемой нравственной высоте этого идеального принципа, когда он направлен (нацелен) на доброе, к общественному благу. И в неустанном стремлении к тому как к идеалу и определяется степень нравственной чистоты самого человека применительно к принципу труда. Само собой разумеется, что чистота применительно к труду человека состоит в полной свободе от элементов социального принуждения, как материальных, так и психологических. Принудительный труд в корне противостоит свободному труду человека, единственному, доставляющему счастье, не говоря уже о его враждебности свободе человека – внешней (социальной, гражданской) и внутренней (духовной, нравственной). Можно также полагать, что труд человека в его чистом виде состоит в одинаковой его обаятельности, как в физическом, так и в умственном его выражении. Гармоническое и соразмерное сочетание физического и умственного труда первейшее и необходимейшее условие умственного и физического развития человека, его интеллектуального, эстетического и морального самосовершенствования. И степень радости, испытываемой человеком от своего творчески-созидательного труда, ярчайший показатель степени нравственной чистоты и человека и его труда.

Общественная и творчески-преобразовательная природа человека, как и общественная и творчески-преобразовательная свобода его (имеется в виду как материальная свобода, так и духовная) одинаково покоятся как на своем фундаменте на творчески-созидательном труде человека и человечества. К общественно полезному труду человека должно относить и систематические фи-

зические (гимнастические) упражнения, поскольку они служат укреплению, развитию и обогащению человеческой природы. Да и любой другой труд должен сопровождаться сознанием, что он служит не только непосредственной задаче своей, но одновременно и к физическому и умственному развитию человека, и это сообщит труду двойную радость для него. Труд как принцип – идеальный труд, стремление к его реализации – вечное стремление, доколе существует род людской. Бесконечное совершенствование реального труда в духе принципа труда столь же необходимо для обогащения его чистоты, как и для вящего совершенствования и последовательного утверждения человеческой природы как таковой.

Чистота применительно к принципу свободы, внутренней, духовной, или нравственной, свободе человека, означает ближайшим образом свободу от груза прошлого, предрассудков всякого рода унаследованных от общественного и животного бытия человека. К ним вполне относятся, как это ясно само собой, и религиозные предрассудки, в каком бы богословском, философском и даже научном наряде они ни выступали, ибо все они порождены в конечном итоге чувством страха – прямым антиподом духовной свободы, чисто животным в своих истоках чувством страха перед неизведанными и слепыми, стихийными явлениями бытия в природе и обществе и, прежде всего, чувством страха смерти, перед ее неизбежностью: человек никак не в состоянии свыкнуться с мыслью, что его конечное уничтожение так же неизбежно, как и случайно было его появление на свет; и то и другое строго необходимо, ибо вполне укладывается в закономерное существование природы как самопричины – причины и действия себя самой вечно и одновременно. Смерть человека так же неизбежна, как случайно (случайно-необходимо) его рождение, и как последнее не может служить основанием для чрезмерной радости (ведь он мог и не родиться), так и первая для чрезмерной печали, уныния. И в том, и в другом – и в рождении и в смерти человек вполне разделяет судьбу всего Живого – животных и растений. Что человек, тот или иной человек, мог и не родиться, в этом он так же разделяет судьбу человеческого рода в целом. Что же касается неизбежности смерти, то человеческий род в целом имеет то счастливое преимущество перед каждым отдельным своим представителем, что имеет лишь внешние причины для своего прекращения, которые, однако, безграничны, но не внутренние.

Правда, что историческое расщепление ядра атома и высвобождение внутриядерной энергии, предпринятое поначалу в военных целях, заставляет к этому тезису подойти со всей осторожностью, если не пересмотреть его во все. Изобретение термоядерного оружия, а также других не менее варварских средств массового уничтожения людей, каковы химическое, бактериологическое и другое подобное оружие, делает весьма возможным и уничтожение человечеством самого себя. А если прибавить к этому катастрофическую порчу им среды своего обитания, то такая возможность увеличится многократно. Но гораздо вероятнее вместе с тем или, по крайней мере, так же вероятно, что здравый смысл вкупе с инстинктом самосохранения возьмут в нем верх над милитаристским безумием и сведут к минимуму, если и не вовсе на нет, внутренние причины для уничтожения человечества, тогда как могущество внешних причин, проистекающее из абсолютно безграничной и стихийной в основе мощи природы-самопричины, будет всегда превозмогать могущество

человеческого рода при всем его (могуществе человечества) последовательно поступательном возрастании. Но как бы то ни было, а чрезмерная радость и чрезмерное уныние одинаково не вяжутся с высотой, имманентной принципу свободы, с чистотой его научного уразумения.

Чистота применительно к принципу свободы состоит, далее, в точном уяснении себе антагонистичности свободы и произвола, в чем бы последний ни выражался. Ибо так же как свобода духа в истинном смысле выражает должное, произвол – сущее: допускающий его пребывает не более и не менее как в состоянии рабства, рабства у своих страстей. Совершенно естественно вместе с тем, что внутренняя, духовная, или нравственная, свобода человека, предписываемая принципом свободы – идеал, к которому всеми силами своими должен стремиться человек, а в общественно-историческом разрезе и человечество в целом, чтобы с возможной чистотой воплотить его в себе, а тем самым оправдать на деле высокое (многообязывающее) звание человеческого существа – носителя совести и творца добра.

Чистота применительно к принципу благородства состоит в точном уяснении себе нравственной гармонии целей и средств, этим принципом диктуемой, и в категорическом недопущении дисгармонии между ними. Не только цели, но и средства к их достижению не должны быть иными, кроме как нравственными. Слишком уж силен соблазн во имя высокой цели не разбираться в средствах к ее достижению, во имя «счастья большинства» пренебречь несчастьем меньшинства, тогда как неповторимость и самоценность каждой отдельной человеческой жизни составляет внутренний животворящий дух каждого из принципов истинной человечности и всего нравственного закона в целом. Весь мир, как известно, не стоит одной горькой слезиночки ребенка, обращенной к боженьке, и все человечество в ответе за эту слезиночку перед собственной бессмертной совестью. И тот, кто чужд этому понятию, не дорос до его исчерпывающего уразумения, тот даже в малой мере не постиг нравственной (идеальной) высоты принципа благородства, как не постиг ее и тот, кто не понял в полном объеме нравственную (категорическую) обязательность сведения к минимуму, а еще лучше – на нет революционного насилия, строго ответного по самому своему глубочайшему существу. Требование нравственной гармонии целей и средств – идеальное требование, как и любое другое принципиальное повеление совести, и его реализация в жизни может быть лишь приблизительной его реализацией. Степень этой реализации и характеризует степень постижения и претворения высоты принципа.

Чистота применительно к принципу благодарности состоит в исчерпывающем уяснении себе этической цели, заключенной в принципе, – взаимное обогащение человеческой природы. Именно такую, возвышенную, общечеловеческую по самой сути цель преследует принцип благодарности, а не частный случай признательности, нередко стоящий в противоречии с нравственной целью принципа. Высота принципа благодарности, в той мере, в какой она реализуется в жизни, явственнее всего свидетельствует о чистоте душевной, тогда не личное, а общечеловеческое ставится во главу угла, точнее, когда общечеловеческое воспринимается нравственно образующим себя человеком как самое интимное личное свое дело и достояние. Даже благодарность за спасение собственной жизни должна восприниматься человеком, тем или иным человеком,

как спасение человеческой жизни вообще. Чистота чувства благодарности, диктуемая идеальным по природе принципом, прежде всего и состоит в желании и умении различать характер оказываемого тебе благодеяния под углом зрения его собственной нравственной чистоты: идет ли оно в унисон с совестью или же диссонирует, контрастирует с ней, а ответное чувство признательности, им вызываемое, находится ли в истинном согласии с принципом благодарности, или же в ложном, лишь видимом согласии с ним. Принцип благодарности человека к человеку за взаимное обогащение человеческой природы в своем идеальном этическом содержании связывает между собой людей, даже и не знакомых друг с другом, в нерасторжимый союз, имя коему трудовое человечество. Степень осознания человеком, тем или иным нравственно образующим себя человеком, своего кровного и духовного братства со всем человечеством, осознания, заставляющего его радоваться его, человечества, где бы оно ни находилось, радостями, и огорчаться его огорчениями, и готовность прийти на помощь в ней нуждающемуся, выручить его из беды, ярче всего характеризует степень обретения им нравственной чистоты, диктуемой принципом благодарности как принципом совести – всечеловеческой и личной по природе.

Чистота применительно к принципу мудрости состоит в чистоте уразумения его составляющих: веры в человека, надежды на торжество добра и любви к жизни. Вера в человека противостоит вере в бога, в сверхъестественное вообще, с одной стороны, и вере в того или иного человека, в конкретного представителя человеческого рода – с другой. Последняя есть культ личности и, как показала история, неизмеримо вреднее культа божества: вред, приносимый тем или иным ревнителем веры, гораздо страшнее вреда, приносимого самой идеей божества, за выразителя воли которого он себя выдает. Еще более вреда приносит культ личности, и вовсе не верующей в бога и потому не усматривающей никаких препон своему произволу, нередко кровавому. Высота веры в человека состоит, таким образом, в абсолютной свободе от культа личности и от веры в бога, как правило, вырождающейся в вариант того же культа личности. Надежда на торжество добра лишь тогда сохраняет для нас свою нравственную (идеальную) высоту, когда покоится на единственном, но зато прочном фундаменте – на поступательно развивающемся последовательно научном мировоззрении, отображающим объективную природу (объективную правду, по выражению Аристотеля) вещей. Всякого рода чуждые научно-материалистическому миропониманию соображения, затемняющие для нас объективную природу (объективную правду) вещей, с неизбежностью оказываются самым отрицательным образом и на чистоте уразумения нами высоты надежды. Любовь к жизни лишь тогда сохраняет свою исконную высоту, когда она есть интеллектуальная, как сказал бы Спиноза, нравственная любовь к жизни, любовь к жизни, достойной человека и им свободно творимой, а не любовь к жизни вообще, как таковой, чего бы это ни стоило. Ложный сам по себе тезис «искусство для искусства» имеет, тем не менее, за собой неизмеримо больше оснований, ибо служит к ограждению творческой свободы поэта от всеисилия власть предержащих, неизменно покушающихся на нее, нежели тезис «жизнь ради жизни», если бы таковой был кем-то выдвинут, ибо нравственно образующий себя человек решительно предпочтет смерть во имя торжества совести – добра скотскому (бессовестному) образу жизни.

И если тот или иной из принадлежащих к человеческому роду по малодушию (по приступу малодушия) такого предпочтения не выказывает, то в затаенной глубине души он всегда найдет восторженный отклик на героическую смерть человека-революционера. Высота любви к жизни и чистота ее уразумения всецело определяется тем, насколько человек проник в истинный, высокий, нравственный смысл своего существования на Земле, как и на любой другой планете, насколько он проникся сознанием того, что нет таких благ на свете, которые могли бы заставить его поступиться своею совестью, сознанием того, что он «не вправе» продать свое человеческое первородство не то что за чечевичную похлебку, но и ни за какие иные «мирские» (материальные) блага, ни даже за сохранение собственной жизни.

Чистота применительно к принципу поступка состоит в ясном осознании категорической обязательности нравственной гармонии теории, заключенной в идеальных принципах истинной человечности, и практики. Тот, кто заранее позволяет себе считать, что одно дело теория, другое – практика, что одно дело принцип, а совсем другое – его реализация на деле, тот позволяет себе самое настоящее двурушничество, в корне порывает с принципом поступка, повелевающим поступать по совести – всегда и неизменно. Слов нет, между принципом поступка и его реализацией разрыв неминуем, но наша забота должна состоять не в одной лишь констатации такого разрыва, тем более не в успокоении на ней, но в максимальном его сокращении, в доведении его до минимума, мыслимого в данный момент и в данной стране, насколько только станет умения и сил, и лишь тогда в нашем реальном поступке отразится в некоторой степени высота, свойственная идеальному (абстрактному) принципу поступка. Высота в претворении в жизни принципов истинной человечности состоит не в меньшей мере в учете их органической взаимосвязи в нравственно диктуемом поступке, как и в самой совести человека – едином и единственном нравственном законе человечества, пролагавшем и пролагающем себе дорогу через массу социологических отклонений, обусловленных социальным бытием человека. Чистота применительно к каждому из принципов истинной человечности в отдельности выявляется в полной мере в ясном осознании их тяготения к добру, лишь в исчерпывающем осознании его неразрывной связи с каждым из всех остальных принципов, в своем органическом единстве образующих нравственный закон совести.

Чистота применительно к нравственным правилам, и об этом говорилось в самом начале, имеет двоякий смысл – в смысле адекватного постижения и в собственном смысле, ибо им, нравственным правилам, в отличие от этических принципов, присуща и чистота сама по себе, сообщаемая им принципами, то есть совестью – первопричиной нравственной чистоты как таковой. Чистота души человека воплощает в себе чистоту нравственных правил, ведь и они относятся не к духовной (как принципы), но к душевной стороне жизни человека. Чистота же самих нравственных правил ни в чем ином не состоит, как в строгой соотнесенности их со своими принципами. И исключения из них (ведь нравственные правила потому и правила, что в отличие от принципов – нравственного закона – знают исключения) не только допустимы, но и совершенно обязательны в тех случаях, когда их исполнение шло бы вразрез с обслуживаемыми ими принципами. В неукоснительном соотнесении нравственных пра-

вил с соответствующими принципами состоит и чистота в их постижении, и чистота претворения их в поступке. Двойная чистота нравственного правила, следовательно, состоит в его соотнесенности (объективной соотнесенности) и соотнесении (субъективном соотнесении) со своим нравственным принципом.

Чистота нравственного правила правдивости состоит в его соотнесенности и соотнесении с принципом совести. Правдивость ради правдивости нередко, в тех случаях, когда идет вперекор с совестью, наносит нравственности вред непоправимый, например, когда правдивыми показаниями выдают товарищей по революционной борьбе их смертельным врагам.

Чистота нравственного правила серьезности состоит в его соотнесенности и соотнесении с этическим принципом самосовершенствования, сообщающим правилу его нравственный смысл. Серьезность ради серьезности способна сделать человека безулыбчивым, а ведь улыбка отличает человека, животное не наделено способностью улыбаться.

Чистота нравственного правила самоотречения состоит в его соотнесенности и соотнесении с этическим принципом добра. Самоотречение ради самоотречения, а не ради торжества добра, сплошь и рядом ведет к презрению к жизни, которое в противоположность презрению к смерти, диктуемому принципом, безнравственно в корне. Чистота в постижении нравственного правила самоотречения состоит также в явственном различии простого самоотречения, не чуждого и животным, от нравственного самоотречения, свойственного единственно человеку. Под нравственным самоотречением разумеется такое, которое распространяется не только на близких (кровных и по духу), но на человека вообще, как на такового другого, без которого сам ты – не человек, не общественное существо по природе.

Чистота нравственного правила справедливости состоит в его соотнесенности и соотнесении с этическим принципом общественной собственности, сообщающим ему его нравственное содержание: справедливость ради справедливости бессодержательна и граничит с безнадежным произволом в ее истолковании и претворении на практике.

Чистота нравственного правила трудолюбия состоит в его соотнесенности и соотнесении с этическим принципом труда. Трудолюбие ради трудолюбия бессмысленно, если не имеет своим содержанием общественно полезный и творчески-созидательный труд, как и все нравственное, устремленное к добру – верховному идеалу человечества.

Чистота нравственного правила собственного достоинства состоит в соотнесенности и соотнесении его с этическим принципом свободы, внутренней, духовной, или нравственной, свободы человека. Только такая свобода сообщает человеку его высокое человеческое достоинство. Собственное же достоинство ради самого себя – собственного достоинства почти с неизбежностью ведет к надутой спесивости, абсолютно несовместимой с нравственной свободой человека и с его действительным человеческим достоинством.

Чистота нравственного правила последовательности состоит в его соотнесенности и соотнесении с этическим принципом благородства, диктующим нравственную последовательность в целях и средствах. Последовательность ради последовательности способна привести к последовательности в злом (злом деле), что в корне противостоит нравственному смыслу правила.

Чистота нравственного правила сострадания (солидарности) состоит в соотносении его и соотносении с этическим принципом благодарности – признательности человека человеку за взаимное обогащение человеческой природы. Сострадание (солидарность), лишенное этого нравственного содержания, сострадание ради сострадания (солидарность ради солидарности) ведет к растлевающей путанице в понятиях, ибо сострадание (солидарность) объединяет и участников преступных сообществ.

Чистота нравственного правила скромности (простоты) – в соотносении и соотносении его с этическим принципом мудрости, ибо бывает простота паче гордости, а скромность ради скромности ведет к самоуничтожению человека в собственных глазах, что стоит в явном противоречии с принципом мудрости, предписывающим веру в человека и в несокрушимость его разума. Такое самоуничтожение не мирится и с чувством собственного достоинства человеческого существа.

Чистота нравственного правила ответственности состоит в его соотносении и соотносении с этическим принципом поступка, повелевающим поступать по совести. Человек ответственен единственно перед совестью своей. Ответственность же ради ответственности, безотносительно к нравственному содержанию, сообщаемому чувству ответственности принципом, ведет к той же растлевающей путанице в понятиях, что и сострадание ради сострадания (солидарность ради солидарности), ибо чувство ответственности и тут нередко (даже очень часто) объединяет участников преступных сообществ.

Вообще нравственные правила, коль скоро забывается об их соотносении и соотносении с этическими принципами истинной человечности, вполне лишаются своего нравственного содержания, вырождаются в безнравственность, произвол и насилие.

5. Очистительная гроза Великого Октября

Размышляя о чистоте нравов, о чистоте в наших мыслях, делах и поступках, в жизни нашей вообще, равно и о чистоте этики как науки, невольно обращаешься умственным взором к великой очистительной грозе Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., к ее началу и к первым героическим, огненным ее годам, когда ни одному из рабочих, целыми отрядами штурмовавших Зимний, и в голову не приходило взять что-либо из несметных сокровищ дворца, уже никем не охраняемого; когда поговорка «Только бы революция не пострадала», а имелась в виду мировая пролетарская революция, долженствующая принести счастье всему человечеству без изъятия, была у всех и каждого на устах; когда интернациональное братство всех людей труда мыслилось как нечто само собой разумевшееся, а эксплуатация человека человеком и всякого рода другое угнетение и порабощение себе подобного и унижение человеческого достоинства – вызовом самой святой святых – совести человека и человечества; когда человек, каждый человек рассматривался как цель, а не как средство; когда революция с самых истоков ее мыслилась не иначе как начало мировой революции, ибо национальные рамки так же естественны для буржуазной революции, как и гибельны для революции

пролетарской – коммунистической, имеющей, как известно, по сущности своей и с самого начала международный характер; когда нравственное чувство обострилось до предела, когда господствовал сухой закон, когда украшения всякого рода считались и женщинами и мужчинами признаком дурного тона, когда женщине вдеть серьги в уши, супругам устраивать свадебные обряды и путешествия, обмениваться обручальными кольцами, а тем более носить их, казалось диким и недостойным пережитком, когда игра в карты, не говоря уже о других, более азартных играх, признавалась кошунственным и непростительным препровождением времени, когда рассказать какой-нибудь «еврейский» (антиеврейский) анекдот возможно было не иначе как шепотком, в свинском, безнадежно пьяном состоянии, ведь господствовало суровое убеждение, что отъявленных антисемитов надо безотлагательно расстреливать как бешеных собак; когда ценилось лишь внутреннее богатство человека, внешнее же пребывало в презрительном небрежении; когда священный энтузиазм, рожденный революцией, горел в душе ярким пламенем, освещая все и вся вокруг.

Нельзя при этом не упомянуть и о том, что лукаво называлось «издержками революции» и пряталось под поговорку: «Лес рубят, щепки летят», когда кровные интересы личности демагогически, схоластически и догматически противопоставлялись интересам коллектива и ставились ни во что, когда этический тезис об уникальности, неповторимости и самоценности каждой отдельной человеческой Жизни предавался забвению, как будто человек для счастья, а не счастье для человека, «издержки», породившие такое уродливое и уродующее явление, как «красный террор» (сравни: «усталая секира» у Пушкина), и надо во весь голос сказать, что хотя эти акты революционного насилия были ответными по существу, ибо явились реакцией на контрреволюционное сопротивление свергаемых и свергнутых эксплуататорских классов, они не становились от этого более привлекательными. И, конечно же, не они, не «издержки» эти, выражали лицо нашей революции, как раз напротив, они не могли не сказаться на ее строгом лице, то и дело искажающегося гневом. Но как зато преображалось это и само по себе красивое лицо, когда правда торжествовала и пострадавшие из числа оставшихся в живых, хотя и с роковым опозданием, бывали реабилитированы, как бывали реабилитированы посмертно и те, кто невинно был осужден. Оно, лицо революции, становилось в таких случаях, в каждом из таких случаев, прекрасным вдвойне.

В конечном итоге чистота сводится к тому, чтобы целомудренно и ревниво оберегать в себе человека.

Category of Purity in the Ethical Science

Yakov Milner-Irinin (01.05.1911–18.07.1989)

PhD in Philosophy, Professor, expert in ethics, ontology, history of philosophy

The article is devoted to comprehensive analysis of *purity* concept which the author considers to be one of key importance in ethics together with such ethical concepts as *good*, *evil*, *duty*, *ideal*, etc. It is relevant to both human life and ethical knowledge. The author distinguishes *purity* from the concepts of moral principle and rule, showing that *purity* is

basic and determines the moral quality of both principles and rules. Category of purity is studied in three main perspectives: a) human life; b) ethical science; c) moral principles and rules. First, purity is understood in terms of intentions, motives and thoughts, informed by conscience. Second, it is regarded as freedom from all kinds of invasions from outside ethics such as politics, sociology, etc. Thus *purity* provides strict correspondence of ethics to its own meaning as a study on ought. Third, purity is considered as appropriate cognition of moral principles and rules and ways of their implementation.

Keywords: *purity*, ethics, morality, principles, rules, conscience, action, freedom, human nature